

НА КИНОСТУДИИ

«Ленфильм» Алексей Баталов осуществляет постановку «Игрока» Ф. М. Достоевского.

Преодолев при встрече с Баталовым все сомнения по поводу того, удобно ли задавать такой вопрос и не обидится ли режиссер за прямолинейность, я спросил:

— Алексей Владимирович, не вызван ли ваш уход в режиссуру тем, что кинематограф не предлагает вам роли такого масштаба, как Гусев?

— Будь у меня захватывающие актерские планы и перспективы, я отложил бы давно обдуманные постановки. Ведь роли не пьесы, они не ждут, а уходят от актера по мере того, как он стареет. Публике нет дела до того, как выглядит режиссер, поставивший «Ромео и Джульетту», но Ромео она все-таки желает видеть молодым.

Я хочу и, возможно, еще могу что-то играть, но теперь найти подходящий материал и заинтересовать режиссера своей персоной уже гораздо сложнее. Ушла новизна, а вместе с ней, может быть, важнейший эффект неожиданности. Удивлять же публику только внешними преобразованиями, абы только являться перед ней «новеньким», мне неинтересно. Другое дело в театре: там это процесс живой, всегда одухотворенный, имеющий смысл даже при сотне повторений. Кино — совсем иное. Удовольствие от самого стояния перед аппаратом могут получать только восторженные новички, которым просто интересно увидеть себя на экране.

Короче говоря, я всегда стараюсь по мере возможности заниматься тем, чему могу отдать себя бескомпромиссно, целиком, независимо от того, в театре или в кино эта работа, за или перед аппаратом мое место.

— Чем привлекает вас профессия режиссера?

— Это давнее стремление, которое с годами становится все явственней. Думаю, что оно вызвано желанием, потребностью рассказать о том, что успел рассмотреть в окружающем мире, в людях, в образах великих творений прошлого.

Хотя, конечно, и в случае, когда приходится обращаться к прошедшим временам, режиссура все равно обращена к современнику, к живым проблемам дня. В этом смысле она всегда рассказ о себе.

— Кого из режиссеров вы могли бы назвать своим учителем? Какие его принципы вам ближе всего?

— Я мог бы назвать много учителей. Но должен вас огорчить, это были бы не столько режиссе-

АЛЕКСЕЙ БАТАЛОВ: «ОТДАТЬ СЕБЯ БЕСКОМПРОМИССНО»

ры, которых я считаю великолепными, сколько многие люди, которые даже не подозревают, что учили меня ощущать кадр, камеру, движение, вообще возможности кино.

Для того чтобы понять самого себя, порою очень поучительно увидеть и то, что совсем отвратительно состряпано ремесленником. Как доказательство от противного. И такой путь может привести к ясному результату и оказаться полезным уроком.

Но при всем этом я никогда не забываю, что первые шаги сделал, держась за Хейфица. Кстати говоря, и сегодня я работаю в том же объединении, вернее сказать, творческом окружении, что и двенадцать лет назад. И художественный руководитель этой ленфильмовской группы тот же Иосиф Ефимович Хейфиц.

Что же касается до режиссерских приемов и принципов решения материала, то, к счастью, они в кино-быстро меняются, и, на мой взгляд, вернее искать новые, чем заучивать старые.

Слушая Баталова, я вспоминаю слова Быкова: «Главное в творчестве Алексея Баталова состоит для меня в том, что именно широкая ориентация на достижения советского искусства приводит его к постоянному отходу от вешетского штампа, но при этом он не суетится около моды, около всего супер-современного и все же опережает моду в самом хорошем смысле этого слова. И в этом, наверное, он по-настоящему современен».

— Ваш первый опыт в режиссуре — фильм «Шинель» — поставлен по повести Гоголя. Второй — «Три толстяка» — по произведению Юрия Олеши. И вот — Достоевский. В том, что вы обращаетесь к экранизациям, можно усмотреть закономерность?

— Не только закономерность, но и обусловленную необходимость. Сотни режиссеров кино, и умудренных опытом, и молодых, постоянно в бегах, в поисках добротного сценарного материала. В силу того, что я нет-нет да и снимаюсь, мне просто невозможно с ними конкурировать. Снимаясь как актер,

я могу готовить только то, что всегда есть у меня под руками и не требует специальных сроков работы с писателем, выездов и т. д. Нетрудно догадаться, что в таком положении мне остаются главным образом книги, великое наследие классиков.

— А почему именно Достоевский и «Игрок»?

— Ну прежде всего те причины, о которых я уже говорил. Прибавьте к ним еще и то, что в нынешнем году отмечается юбилей Ф. М. Достоевского. В нашей стране не только кинематографисты, но и художники, издательства, театры — все по-своему будут отмечать это событие.

Конечно, все это в известной мере внешние обстоятельства, а творческий интерес уходит в само произведение, в те мысли и образы, которые составляют его суть. Герой этого небольшого романа Достоевского — человек, противопоставивший себя продажному, фальшивому, циничному миру, являя собой характер вечно живой, страстный, во все времена привлекательный своей искренностью и непримиримостью.

В этом ответе я не могу перечислить даже малой доли тех возможностей, которые таит материал для актера, художника, оператора, режиссера, желающего обратиться к зрителю с самыми сокровенными мыслями и чувствами. Это и есть то главное, ради чего мы взялись за работу.

— Достоевского экранизировали десятки раз. Это вас не пугает?

— По утрам пугает, а ночью подзадоривает. В нашем деле без возможности сломать шею было бы совсем скучно. Все равно, что водить трамвай в пустыне. На путях, проложенных когда-то, вне постоянной борьбы за новое, трудно представить себе какой бы то ни было творческий процесс. Это всегда риск, всегда «езда в неизвестное».

Пока у нас есть только планы, надежды и вера в избранный путь кинематографического прочтения этого замечательного сочинения.

Беседу провел
В. СТРУГАЦКИЙ.